

1916 год

Зима, а за ней и ранняя весна 1916 года прошла на зимних квартирах в чешской колонии Млодава, в 30 верстах от уездного города Ровно. На фронте было затишье. Весной штаб 8-го корпуса перебрался в Ровно, а с ним и отряд Фр.Оск. В апреле он получил трёхнедельный отпуск и поспешил в Москву, затем — в Ригу, к родителям. Но даже прощаясь с матерью, он ни словом не обмолвился о своём предстоящем венчании с Ал.Ив. После венчания 29 апреля в Покровской церкви на Малой Ордынке у молодых не было свадьбы в обычном понимании этого слова, как, разумеется, не было и «медового месяца». Договорились, что в свой отпуск в конце мая Ал.Ив. приедет к мужу на фронт. Через день после венчания, 1 мая «молодой» выехал в Ровно.

Киев, 3 мая 1916 г.

Пишу с вокзала. Времени мало, так как поезд опоздал на несколько часов, и я только успел почиститься и побриться. Доехал вполне благополучно, почти не слезая с верхней полки. Нас в купе всё время было 8 человек! Духота невероятная, там более, что окно почти постоянно оставалось закрытым. Все молодые люди, но свежего воздуха боятся: пар костей не ломит...

Сейчас отойдёт поезд в Ровно. <...>

Пишу всё о пустяках. О главном писать не хочется. Нет возможности сосредоточиться. Чувствую только, что за эти три недели в душу вошло много светлого. Вот этот свет я и ощущаю...

Р[овно], 4 мая 1916 г.

Вот я опять в старой обстановке, опять далеко от тебя. И так пусто кажется всё кругом! Так не удовлетворяют люди! Так убого... О, Господи, почему нашему поколению такая тяжесть!?

Приехал ещё вчера к ночи. На станции меня уже поджидали лошади. В комнате всё без перемен, только на столе стоит громадный букет сирени, поставленный моим Дмитруком. Он запомнил, что я люблю цветы. А давно ли я их люблю? И чья в том заслуга?..

Ещё вчера я забежал к Матвееву, узнать, что и как. Одно известие меня в первый момент очень огорчило, но потом я решил, что не так уж это страшно:

запрещён с Фоминой недели въезд в Р[овно] офицерских жён! Доступна только полоса к востоку от меридиана Р. <...>

Утром я проснулся от очередного обстрела очередного аэроплана. Не дали выспаться. Стаканы от снарядов падали в нашем расположении. К счастью, никого не ранили. <...>

Сегодня опять не придётся выспаться: ночью будут произведены кой-какие опыты, на которых любопытно присутствовать. В 3 часа ночи надо быть на месте, а езды больше часа¹. Сразу мне пришлось окунуться в совсем другую атмосферу, но сердцем я ещё целиком в Москве и не приемлю настоящего...

Катович за три недели совершил только две служебных поездки. Всё остальное время абсолютно ничего не делал! Вот жизнь!

Р[овно], 5 мая 1916 г.

Говорил с комендантом. Оказывается, сегодня снова получено разрешение на проезд жён и близких родственников офицеров. Сделано только ограничение: на срок не больше двух недель в каждом отдельном случае. Но ведь на больший срок ты и не собиралась приезжать. Итак, как только получу твоё первое письмо и узнаю, когда ты приедешь, в конце ли мая или в начале июня, я выхлопочу тебе пропуск и pošлю его заказным. Добре? Вот видишь, как всё хорошо складывается. Долой пессимизм, Шуручка! <...>

Ночная поездка была вполне удачной. Выехали туда в чудную лунную ночь, а вернулись при первых лучах солнца. Растительность везде совсем летняя. Рожь в полях выше колен, уже выколосилась, скоро начнёт цвести. Хорошо в поле!

Погоны и пуговицы на шинели потемнели от хлора. Одежда и сейчас ещё воняет слегка. Маски вполне предохраняют. Теперь имею некоторое представление.

Вернулся я в шестом часу утра. Не успел ещё войти в дом, как начался опять обстрел неприятельского аэроплана. Я наблюдал. Затем вдруг раздался ясный взрыв брошенной бомбы, так что сильно зазвенели стёкла. Материального вреда никакого, но убитыми оказались мужчина и женщина, выбежавшие посмотреть. Как всё это не гармонирует с жизнерадостностью расцветающей природы!..

Утро до одиннадцати я проспал. Днём же читал сборник Философовой². Он меня сразу заинтересовал. Я теперь несколько не жалею, что, не дождавись посылки, снова купил его. Написан он Тырковой живо, прекрасным стилем, с массою цитат из писем, дневников и других источников. Получается очень яркая и интересная картина быта середины прошлого столетия. Есть и психологические страницы, посвящённые мужу, В.Д. Философому, — очень любопытные. О самой А.П. Философовой пока ещё мало, пока рисуется фон, условия.

¹ Речь идёт об учебном применении паров хлора на местности.

² Памяти Анны Павловны Философовой. Т. I. Тыркова А.В. А.П. Философова и её время; Т. II. Статьи и материалы. Пг., 1915. Философова Анна Павловна (1837–1912) — видная общественная деятельница, ярая поборница женского образования в России.

Р[овно], 8 мая 1916 г.

Вчера я тебе не писал. С утра читал, после обеда уехал в полк по службе, а вечером застрял у Матвеева, где вскоре собрались и Барченков, и Щастный, и даже сам В[ышемирский]. Разошлись поздно. <...> А сегодня я наконец получил твоё первое [письмо]. Неужели через две недели мы опять увидимся?! Как будет хорошо... <...>

Зашёл ко мне утром Матвеев, которому я с большим подъёмом прочёл статью Горького. Она на него произвела несомненное впечатление. Номер «Летописи» он захватил с собой. Немножко мы с ним поспорили. Хороший он человек. Приятно будет познакомить вас друг с другом.

Р[овно], 10 мая 1916 г.

Ну, слава Богу, наконец, появилось снова солнце и стало теплей! Эта осенняя погода меня удручала.

Я сильно надеюсь, что ты меня ещё застанешь здесь, а лучших условий, чем здесь, для нас с тобой и быть не может. Только бы это осуществилось! <...>

Обещаю тебе к тому сроку закончить свою канцелярию, чтобы не лежало камня на сердце. Впрочем, ты знаешь, сегодня я прочёл в приказе, что Пипериди предаётся суду за подлог счетов! Я очень рад, что так-таки дошло у него дело до суда. Хотя его, вероятно, и оправдают или ограничатся лёгким наказанием, всё же при его, выражаясь мягко, самоуверенности это послужит ему хорошим уроком. Много таких типов гуляет на свободе, ох, как много!

Р[овно], 11 мая 1916 г.

Вчера поздно вечером я закончил уже «Памяти Философовой». Написано увлекательно, и читал я всё время с напряжённым интересом. <...> Более полно очерчены быт и общественные течения, чем психология личности. Зато как полно и ярко выступает этот быт в связи с деятельностью такого светлого, искреннего, увлекающегося человека, как Анна Павловна Философова, без участия которой, казалось, ничего не делалось за целые 50 лет. Нет, право, хорошая книга. Сегодня я её уже отнёс Барченкову, попросившему её у меня.

С сегодняшнего же дня я твёрдо решил взяться за канцелярию, чтобы окончена она была непременно к твоему приезду. С утра разбираюсь в бумагах. <...> Боже, как это скучно!

Р[овно], 13 мая 1916 г.

А я, вероятно, уже завтра стану тебе писать с новых, других мест. Ты только приезжай, а там видно будет, как мы устроимся. Во всяком случае, я буду в пределах досягаемости. Или, вернее, наоборот, ты будешь находиться не слишком далеко от меня. Конечно, о полной безмятежной идиллии мечтать уже не приходится. Придётся урывать часы, в лучшем случае — день. А как чудно было бы, если бы мы могли провести хоть недельку здесь!

Видишь, как трудно основывать свои расчёты на чём-либо, пока находишься здесь. Даже за завтрашний день поручиться нельзя. Ты выезжаешь только 26-го, а здесь будешь днём 28-го мая. Как долго ещё ждать!

С.¹, 15 мая 1916 г.

Как мне обидно, что я не понял то место твоего письма, где ты пишешь, что подыскала «бонну»². Я думал и думал, но так и осталось мне неясным, что хотела ты сказать. <...> А почему ты не писала яснее?

Уже поздно. С близкого болота доносится кваканье лягушек. Комната громадная. В этой зале, вероятно, батюшка в праздники принимал своих сельских гостей. В соседней комнате — Щастный с Матвеевым. Раньше во время своих разъездов я до этого места не доезжал, оставалось в стороне. Теперь вот пришлось познакомиться. В садике мы сегодня уже раскинули с Матвеевым шатры. Думаем даже совсем туда перебраться. Дело в том, что со вчерашнего дня, наконец, как будто стало тепло. Как бы не взглянуть!

Опять тучи на горизонте. Опять новые препятствия нашему близкому свиданию. Не могу я, к сожалению, тебе писать подробней³. Во всяком случае, в Р[овно] ты попадёшь, а там видно будет.

С., 16 мая 1916 г.

Тучи всё сгущаются, и я не знаю, удастся ли нам увидеться, если рассчитывать только на пропуск. Ты не жди от меня мотивировки. По цензурным соображениям я тебе ничего писать не могу. Говорю только, что имеются серьёзные затруднения. Мой совет после долгого размышления и беседы с товарищами таков: лучше всего, даже если ты получишь присланный мною пропуск, тебе обратиться в Киеве к своим главноуполномоченным и записаться на некоторое время в Земский союз. В том случае как врач ты могла бы получить временную командировку «для ознакомления с эпидемическими отрядами такого-то корпуса». Ты, быть может, потеряешь один-два дня в Киеве, но зато много, много больше шансов нам увидеться более продолжительно.

С., 18 мая 1916 г.

Так хочется иметь от тебя весточку! Почти целый день читал номера «Русских ведомостей», даже канцелярией не занимался. Новых данных сегодня не прибавилось. Вопрос о твоём приезде для меня остаётся всё столь же неопределённым. Только я решил послать тебе пропуск не в Москву, а в Киев, по адресу Николая Михайловича Щастного⁴. <...> Всё-таки имей в виду, что без киевских друзей ты дальше Р[овно] не попадёшь. Уж это наверное. Я же туда попасть теперь могу только случайно. И ещё большой вопрос, окажется ли пропуск действительным ко дню твоего приезда. <...>

Сегодня недалеко от нас со свистом упал стакан от шрапнели, выпущенной по аэроплану. Врезался на полтора аршина в землю. Тоже прелести

¹ Возможно, село Сергеевка в 10—12 км от Ровно.

² Ал Ив. намекала о своей беременности.

³ Армия готовилась к знаменитому большому летнему наступлению, так называемому «Брусилловскому прорыву» (25 мая — 2 июня). Главный удар наносился в центре фронта именно 8-й армией на Луцк, т.е. примерно в районе расположения корпуса, в котором служил .Фр.Оск.

⁴ Николай Михайлович Щастный занимал важный пост в Киеве, в Земском союзе, брат С.М. Щастного.

жизни на войне <...> Адрес Н.М. Щастного: Киев, Никольско-Ботаническая улица, дом 6.

Р[овно], 21 мая 1916 г.

Уж во всяком случае, мы с тобой увидимся, Шура. Это по меньшей мере. Я сегодня достал для тебя пропуск на срок от 28 мая до 11 июня. Две недели. <...> Я надеюсь, что ты коё-чего добьёшься в Киеве. Очень надеюсь. Тебя могли бы, например, командировать на время в 20-й эпидемический отряд В.З.С.¹ Это было бы лучше всего. Или могли бы ещё командировать в 29-й эпидемический отряд Бессарабского земства. Или просто в распоряжение заведующего распределением врачей В.З.С. здесь в армии: районного врача В.З.С. <...>

Пропуск я выслал Н.М. Щастному в Киев, и в письме просил его оказать тебе содействие. Он тебя там может направить к своему начальству (ведь он тоже служит в В.З.С.), посоветовать.

Ну, Шура, я сделал всё, что мог. Дальнейшее зависит не от меня.

В горячее время Брусиловского прорыва Александре Ивановне удалось всё-таки пробиться к мужу. 30 мая Фр.Ок. встречал её на перроне вокзала в Ровно. Война не омрачила радости их встречи. Успела Ал.Ив. в это время поработать в санитарно-эпидемическом отряде, расположенном в 20 км от отряда Фр.Оск. 16 июня она выехала домой, в Москву.

Б[ерезне]², 17 июня 1916 г.

Тоскливый серый день. Первый день без тебя, Шурочка. Холодно, ветер, дождь. <...> Я всё ещё не мирюсь с твоим отсутствием, я ещё не вполне сознаю его. Слишком ещё всё полно тобою! Не хочется верить. <...>

Сергей Михайлович [Щастный] меня упрекнул за то, что я тебя отпустил слишком легко одетой, без шинели. Я оказался виноватым. <...>

Ты должна быть здоровой, милая! И не забудь о том, что мне обещала.

Б[ерезне], 18 июня 1916 г.

Сегодня утром получена телеграмма от Шереметева³, что, к сожалению, он отряд мой не может передать вместе с корпусом... Видно придётся мне всё-таки расстаться с товарищами и знакомыми уже условиями. Что день грядущий мне готовит? <...>

Зонтик [Штерензон] тоже утром получил телеграмму, что Родзянко⁴ вызывает его для переговоров. Он встретился с ним в Луцке, где тот ему опять предложил взять на себя заведование челюстным отделением при хирургическом

¹ В.З.С. — Всероссийский земский союз.

² 64 км севернее Ровно, современное Березно. Вероятно, в разговорной речи звучало и как Березье.

³ Шереметев Сергей Владимирович (1880—1968) — гвардии полковник, военный губернатор Львова.

⁴ Лидер партии октябристов, председатель III и IV Государственной думы М.В. Родзянко (1859—1924) летом 1916 г. ездил на фронт, встречался с Брусиловым, проявлял заботу о солдатах.

госпитале. Кабинет же его также отбирается от корпуса. Пришлось ему волей-неволей согласиться, и завтра он едет в Киев для закупки необходимой обстановки. Где он, в конце концов, останется, он сейчас тоже не знает. Вот так и разваливается наш кружок!..

Б[ерезне], 19 июня 1916 г.

День, посвящённый канцелярской работе. Можешь себе представить, как это интересно. Голова моя кружится от неё. Подсчитал и рассортировал все счета за полгода, писал вчерне приказы. Писарь почему-то не заходил. А следовало бы, так как едва ли я ещё останусь несколько дней при корпусе — надо торопиться.

Р[овно], 26 июня 1916 г.

Только два слова: я остаюсь! Меня переводят с отрядом также в другую армию, и я остаюсь при родном корпусе. Вчера сам Шереметев сообщил мне это. Однако он же в деликатной форме выругал меня за «прострел», которому он, по-видимому, не поверил.

Вчера вечером с Ник.Ал. [Покровским] были в 3-м зубоучастном кабинете. Сегодня же полдня я бегал по улицам в поисках автомобиля. Придётся ехать на грузовике. Надо спешить, извозчик уже дожидается. Вероятно, вернусь в Б[ерезне] только в 2 ночи.

Я очень, очень доволен!

Б[ерезне], 27 июня 1916 г.

Известие о том, что я остаюсь в корпусе, было принято всеми товарищами с большой радостью. Я лишний раз убедился в том, что не только я привык, но и ко мне привыкли. <...>

С завтрашнего дня я снова берусь за свои разъезды. Придётся-таки мне очень усиленно засесть и за канцелярию, чтоб ей пусто было!

В природе какая-то вакханалия! Всё цветёт безумно роскошно. <...> Жаль, что нельзя с тобой хоть ещё разочек пройтись. Уж я бы собрал гвоздики, и лилии, и всякие травы, и мак... Хорошо в деревне летом!

Б[ерезне], 28 июня 1916 г.

Береги себя, лечи себя! Не берись слишком за многое. <...> Отчего у тебя такая одышка, такая слабость? Мне становится страшно за тебя, за себя... Берёт раздумье, правильно ли мы поступили... Только бы быть с тобой к тому времени! <...>

Я ездил сегодня далеко. <...> Растительность распустилась вовсю. Тёплые дни сразу сделали своё дело. Ты, милая, уехала слишком рано. Тебе бы задержаться ещё хотя бы на две недельки...

[Березне]', 29 июня 1916 г.

Только бы ты не захворала серьёзно, милая. Только ещё 2? месяца тебе придётся работать так тяжело, а потом уж я никогда ни за что не допущу, чтобы ты

¹ Обозначение места вымарано цензурой.

работала без охоты, не получая удовлетворения¹. Ты, конечно, не должна бросить медицину, но работать в ней ты должна не для заработка, а только для себя. Я надеюсь, что в будущем нам удастся создать такие условия. В будущем... <...>

Вот когда кончится война, и мы вернёмся, и вы найдёте, что мы огрубели, что мы избалованы бездельем, что мы умеем взяться за дело и работать, тогда не осудите нас и не вините. Мы виноваты, но достойны снисхождения. Ведь условия нашей жизни в течение более двух лет слишком разнятся от вашей мирной и культурной обстановки. Мы ведь не чувствуем под собой твёрдой почвы ни в одном отношении, а без этого не может быть и спокойной плодотворной работы. Не так ли? Вот мы и портимся, и уже порядочно испортились... Вся наша надежда — это вы и будущее с вами!!!

Б[ерезне], 1 июля 1916 г.

Я сегодня опять ездил далеко. Солнце палило, и у меня сейчас слегка разболелась голова. Тоскливо... Шурочка, отчего у меня пропала всякая энергия? Ведь правда, после войны всё это пройдёт? <...> Всё чаще я мечтаю, всё сильнее стремление к концу. Переутомились мы. Не от работы, а наоборот, от безделья неожиданного и вынужденного. Пора нам отдохнуть. Я чувствую, что мои «нервы начинают не выдерживать». Особенно почувствовал это после твоего приезда сюда на фронт.

Б[ерезне], 2 июля 1916 г.

Во всех твоих письмах сквозит невольная тревога по поводу твоего положения. <...> Я пробую себя утешить тем, что ведь лучшие годы уходят, что необходимо же когда-нибудь решиться, что в настоящий момент мы материально обеспечены, а после войны было бы много труднее устроиться в материальном отношении... Но всё-таки. Всё учтено, только невесомое не принято в расчёт... Я не имел права, я был неправ. Я рассуждал по-мужски! Мы, мужчины, жалки и беспомощны, когда вы, женщины, творите своё женское дело. Мы только чувствуем свою вину и тоже мечемся, а помочь фактически не можем.

Б[ерезне], 7 июля 1916 г.

Вот что я придумал, моя милая. Чем нам надо руководствоваться? Конечно, прежде всего, здоровье твоё и нашего будущего ребёнка для нас выше всего. А потому мы совершенно не должны думать о «материальном», и для достижения этой цели деньги не должны играть никакой роли. Несущественным в данный момент следует считать и вопрос о том, останешься ли ты или нет в Морозовской больнице, и когда ты уйдёшь из неё. Это всё второстепенно по сравнению с главной задачей. <...> Во-вторых, для твоего здоровья необходим известный покой, а также удовлетворение в работе. С этим тоже спорить не приходится. А если

¹ По возвращении в Москву Ал.Ив. вновь написала мужу о своей неудовлетворённости работой в Морозовской больнице: «Неприятно здесь поразило опять это бесправное положение ассистента, этот вечный контроль над тобой старших врачей и т. д. Хочется мне вздохнуть свободно и сорвать с себя все эти путы. Самостоятельность и свобода в некоторых случаях — самый лучший учитель» (21 июня).

так, то надо вывести и заключения: во-первых, твоё пребывание в ассистентках надо сократить до минимума и, во-вторых, ты должна себе жизнь обставить насколько возможно удобно, независимо от того, сколько это будет стоить. И ты, Шуручка, если не хочешь меня сильно огорчить, не возражай против последнего пункта. <...>

Значит, в Морозовке ты фактически останешься до 25 августа, не больше¹. До этого срока как-нибудь дотянуть можно. <...> А пока брось всякие там лазареты², столь губительные для здоровья. Почему же ты, слабая и больная, должна выручать товарищей? Ты имеешь право и даже обязана быть немного эгоисткой!

Теперь дальше: как только ты получишь это письмо, ты начнёшь усиленные поиски квартиры. Ты пишешь, что квартир нет, что на них всюду большая запись. Это всё относительно. Ты должна только считаться с удобствами квартиры, независимо от её стоимости. Хорошая удобная квартира — это всё. За деньги тебе всегда уступят, а ты не останавливайся перед ценой, хотя бы даже и 150 р. в месяц за пустую квартиру. Ты этим не смущайся, была бы она светлая, сухая, с центральным отоплением, электрическим освещением и ванной. Денег у нас хватит, как я тебе сейчас докажу. Я получаю около 350 р., из которых 100 р. нужны мне. Значит, я тебе ежемесячно могу высылать (и вышлю, будь покойна!) 250 рублей, никак не меньше. У тебя же будет 50 р. с приютов и ещё около 30 р. квартирных (я на днях в интендантстве улажу это дело). Всего, значит, около 330 р. в месяц. На эти деньги ты даже по теперешним ценам сможешь свободно прожить в Москве вместе с Соней [*сестрой*], а в будущем и с ребёнком...

После войны, когда я вернусь, мы устроимся дешевле, а теперь ты должна думать не о дешёвизне, а только об удобстве. И тебе, и ребёнку это нужно, милая! <...> Если тебе трудно будет даже за хорошие деньги найти квартиру, то помести объявление в «Русском слове»: 75 рублей тому, кто укажет небольш. квартиру (3—4 комн.), с ванной, электр., в районе Ордынки-Серпуховки. Поверь, что квартира найдётся. К 25-му августа ты уже должна переехать на новую квартиру.

Относительно обстановки мы с тобой ещё посоветуемся. Прислугу за деньги тоже можно найти («господа рекомендуют») хорошую; а после и няню. Всё это не так уж страшно. Помогут тебе и Соня, Лиза [*сёстры*].

После 25 августа ты берёшь только такую работу, которая тебя удовлетворяет, или лёгкую: ходишь в Карзинкинское отделение³, а в ординаторы пойдёшь только, если тебе дадут два часа второго амбулаторного приёма. <...>

¹ Так и случилось, 25 августа Ал.Ив. распрощалась с «Морозовкой». Размышляя о своём уходе, она писала: «Моя вина заключается в независимом, а временами и прямо оппозиционном образе мыслей. Алексеев вынести меня мог в ассистентуре, где мы бесправны и безгласны, но в ординатуру, конечно, провести не мог» (9 сентября).

² Работа в Морозовском лазарете, которым заведовал Н.Н. Вильям, очень обременяла Ал.Ив. «Лазарет — это вообще одно недоразумение. Больных около 80 человек, записи в страшно беспорядке, диагностики у многих нет; прямо горе, ведь так или иначе всё это надо сделать. <...> Всё ещё так же себя чувствую задавленной множественной властью и по существу никому не нужной», — жаловалась она мужу в письме 23 июня.

³ Крупным ткацким фабрикантом А.А. Карзинкиным в 1914 г. было открыто отделение для лечения грудных детей при Морозовской детской больнице. Организовал и возглавил отделение врач-ординатор Николай Иванович Ланговой. Уже осенью он предло-

Я вполне сознаю, что всеми этими мероприятиями ты не достигнешь полного покоя, тем более счастья... Всё это паллиатив. Но при данных условиях это лучшее, что ты можешь, а потому и должна сделать! Тебе будет очень, очень тяжело, но всё же легче. А я всё-таки не теряю надежды, что ещё до зимы тебя увижу.

Б[ерезне], 8 июля 1916 г.

На редкость унылый день. Уже третьи сутки льёт дождь. <...> Глубокая осень. Грязь опять до колен, как в своё время в Млодаве. Сижу в своей, в нашей комнате безвылазно. Вот уже 8-й час вечера, но почты всё ещё нет. <...>

Матвеев утром получил телеграмму от жены, здоров ли он. Мы сразу поняли, что она встревожилась по поводу телеграммы от штаба верховного главнокомандующего о том, что «ранен доблестный генерал Драгон». Мы, конечно, ни в какой опасности не были. Ранен он очень легко шрапнелью на наблюдательном пункте. Отделался счастливо и остался здесь. Даже не хромает. Пуля, пробив шинель, только слегка задела кожу. Кровоподтёк и ссадина. Телеграмму о его ранении послали без его ведома. Он не хотел этого и остался недоволен. Слава Богу, что так счастливо обошлось.

У нас лично перемен никаких. По случаю дождя все сидим дома. Мы с Барченковым и ещё одним прапором хотим отделиться от общего собранского стола и основать свой. Не знаю, осуществится ли это. Но Смерть¹ берёт слишком дорого за стол — это несомненно. Лавочка...

Ник.Ал. уже несколько дней в Л[уцке]! Мы ещё со вчерашнего дня опять будем иметь дело с ним. Я, очевидно, автоматически тоже.

Всё по-старому. Зонтика хотела назначить в передовой хирургический отряд Земского союза. В какой, он сам ещё не знал. Уж, не сможет ли он теперь попасть в Бессарабский отряд? Было бы недурно. <...>

Твоё нездоровье продолжает меня тревожить. Когда же это кончится? <...>

Шурочка, относительно обстановки твоей квартиры. Я думаю так: кабинет и гостиную сейчас тебе покупать не стоит. Это мы выберем вместе. Но непременно

жил Ал.Ив. место в этом отделении. Вот как рассказывала она об этом в письме к мужу 15 ноября: «Сегодня опять бы у меня разговор с Ник.Ив. Ланговым: он мне предлагал занять с 1 марта место врача оспопрививания при Карзинкинском отделении за 80 руб. в месяц. Это место на 9 месяцев. При желании я могу участвовать при амбулаторном приёме. Я поблагодарила за внимание, но решительно отказалась: ведь на фабрике даётся 6 недель отпуска при родах, а я свяжу себя местом после 4 недель — это, во-первых. Во-вторых, одно оспопрививание меня не удовлетворит, а при участии в приёме потребуется около 5—6 часов, чего я сделать тоже не могу. Уж лучше подождать до 1 мая и взять замещение в терапевтической амбулатории, там плата почти вдвое, а работы на 2½—3 часа. Николаю Ивановичу я сказала, что в начале марта никоим образом не могу себя связывать обязательством, и он со мной согласился. Был ещё разговор по поводу вообще места в Морозовской больнице. Он высказал предположение, что раньше 4—5 лет вакансии не будет. Я же высказала свои взгляды по поводу себя, что Алексеев имеет что-то против меня. Он мне на это говорит: “Разве Вы думаете, что мне не приходилось слышать обидное от него? Я знаю, что он ценит Вашу работу”».

¹ Вероятно, прозвище заведующего офицерской столовой.

тебе нужно купить без меня спальную и желательно — столовую. Жилые комнаты, в которых ты постоянно находишься, должны быть уютны — это первое условие. Покупать я советую вещи хорошие, постоянные, в хорошем магазине. Например, в «Северной компании» (шведская фирма). Лучше сейчас подороже заплатить, но зато в будущем уже не менять. <...> Спальную я себе представляю такую приблизительно: во-первых, конечно, светлую. С этим ты согласна, я знаю. Кровати металлические, полуторные, без набалдашников по углам, приблизительно такого рисунка: [*дан рисунок*] (цена около 150 р. пара). Покупать их можно у Замятина¹. Далее идут гардероб с зеркалом или без него, туалетный стол и два ночных столика. Всё это простого рисунка, без всякой резьбы и завитушек, цельного дерева (не фанера) и светлой полировки. К сему ещё 2—3 стула такого же рисунка и комод. обойдётся это недёшево, я знаю. Вероятно, около 250 рублей без кроватей и умывальника (широкого мраморного, с зеркалом и душем), а с ними и со всякой мелочью общая сумма дойдёт и до 500 рублей. Ты, однако, этого не бойся. Зато всё это уже будет вечным. Пускай война даст нам, по крайней мере, возможность обставиться. О будущих затруднениях не думай. Там видно будет.

Хорошо бы тебе заодно обзавестись и столовой. Она, по-моему, может быть и светлой или ещё лучше светло-серой. Простой, но солидный буфет без неизбежных обычно цветных стёкол, такой же раздвижной стол и штук 8—10 стульев, ничем не обитых, ни кожей, ни дерматином, но прочных, прямых. Это обойдётся рублей в 250—300, едва ли больше. Другие комнаты ты заставишь нашей теперешней, временной мебелью.

Остаётся ещё арматура. Опять-таки, чем проще рисунком, тем лучше. Никаких изогнутых линий!

Не оставляй, Шура, все эти покупки до меня. Ещё неизвестно, когда я приеду, а уют тебе необходим. Хотя бы спальную закупи в первую очередь. Умоляю, прошу тебя! Не бойся, что твой выбор не придётся мне по вкусу. Я вполне доверяю ему и одобряю, вне всякого сомнения.

Б[резне], 9 июля 1916 г.

Передал сегодня свою канцелярию снова писарю, у меня она безнадежна! <...> Решил жить в высшей степени скромно и бережливо. И поверь, на этот раз не изменю своему решению до конца войны. Будь покойна. Единственный предстоящий крупный расход, — это писарь (рублей 50, а может, и больше). Буду жить трезво. Буду жить так, что в любой момент ты мною останешься довольна. Буду стараться. Пора остепениться.

Б[резне], 11 июля 1916 г.

Долго сидел у меня Матвеев, вернувшийся с охоты, и мы с ним болтали о том, о сём, всё больше о его дочке Оксанке... Теперь уже поздно, а завтра утром собираюсь в Л[уцк] по делам. Только что перед приходом Сергея Гавриловича пришла почта. Она теперь всегда приходит поздно к вечеру. <...> Сразу стал весёлым и бодрым.

¹ Замятин — магазин? См. Вся Москва.

Б[ерезне], 12 июля 1916 г.

Вернулись мы с Серг.Мих. из Л[уцка?] поздно. Я сильно утомился и валяюсь от усталости. <...> В Л[уцк] вчера опять бросались бомбы. Вообще здесь в наших краях лучше жить, чем там. В остальном — idem. Сергей Гаврилович сегодня утром был на охоте, убил трёх уток. Завидую ему. Я не могу ходить по болоту.

Б[ерезне], 13 июля 1916 г.

В жестокую эпоху мы живём, тяжело приходится нашему поколению. Но не будем же терять веры в то, что настанут опять лучшие времена, что нашим детям, нашему Евгению и Ирине улыбнётся жизнь, что им не придётся быть свидетелями таких событий, как нам, что они увидят больше радости, чем горя... А мало ли мы с тобой радости видели в жизни, милая? А разве нам не улыбалась жизнь? А разве мы уже ничего не ждём от неё?

Н[ива]¹, 9 сентября 1916 г.

Всё больше места в твоих письмах занимает наш будущий ребёнок... Когда я читаю твои строки, мне становится так тепло на душе, словно я уже предчувствую, предвкушаю грядущие семейные радости. <...>

Ты спрашиваешь меня, стоит ли тебе взяться за работу, предложенную Тимофеем Петровичем [Краснобаевым]. Уж раз ты спрашиваешь, то я отвечу: конечно, берись. Работы у тебя будет немного. А такая статистическая работа всё-таки даст возможность не забывать и научную работу, хотя бы и малозначительную². Тебе придётся возиться в журналах. А это всегда даёт некоторый плюс. Важно упражнение. Значит, берись за дело. Я тебя охотно благословляю.

Н[ива], 10 сентября 1916 г.

Отпуска всё ещё не разрешаются. Это наша армия такая счастливая. Барченков хлопочет через высшие инстанции. Кажется, у него семейные неприятности, и ему нужно съездить во что бы то ни стало. Вероятно, ему удастся выбраться. Неужели я не выберусь в Москву до Рождества?! Не может быть!

Н[ива], 20 сентября 1916 г.

Получил письмо от матери. Она очень жалеет, что ты не поехала к ним. Думает, что ты, вероятно, не получила вовремя её письмо. Мне кажется, что ты этого письма и совсем не получила. По крайней мере, ты мне об этом не писала. А письмо Лени застало тебя в Костроме. Надеется теперь мать, что в следующий мой отпуск мы вместе с тобой приедем в Ригу. Я думаю, что из этого ничего не выйдет, так как я твёрдо решил следующий свой отпуск сидеть безвыездно все три недели у тебя. Надо же когда-нибудь и душу отвести! А ведь как надо!..

¹ Чешская колония.

² Ал.Ив. была учёным по призванию, и Фр.Оск., как мог, поддерживал её в этом. Она стыдливо отвечала: «Что ты заставляешь меня краснеть, смущаться и даже... грустить своими словами: “Я горжусь тобой, верю в твой талант и не хочу, чтобы ты зарывала его”? Ты ошибаешься, у меня нет ничего, кроме <...> всепоглощающего чувства к тебе» (5 января).

Мать удивляется, почему мы так редко получаем отпуск. Родственники мои на западном фронте приезжают каждые 3—4 месяца. Уж мы тут такие счастливые... Эх-ма! — О себе писать нечего и не хочется.

Кол[ония] И[лива], 6 октября 1916 г.

Тяжело вам там сейчас приходится в тылу! Но всё-таки я не знаю ещё, вам ли хуже. Ведь и хрен редьки не слаще. Не знаю, но я предпочёл бы все затруднения тыла, если бы только быть с тобой. Так же, как и ты сейчас желала бы находиться на фронте.

Как досадно, что у вас всё ещё нет прислуги, что у вас не налажены обеды. Я боюсь, что питание твоё теперь совсем недостаточно. <...> А ведь ещё весной нельзя было предположить, что будут такие затруднения. Ты права, что нам тут трудно себе представить, как вы там изворачиваетесь. Вот приеду, взгляну. <...>

Ты пишешь, милая, что я, вероятно, совсем забыл всё по акушерству. Хорошая моя, я никогда ничего в этой области и не знал, забывать нечего. А теперь я вполне полагаюсь на тебя. <...> Я глубоко уверен, что всё кончится вполне благополучно. <...> Не разделяю я твоей уверенности в том, что родится непременно мальчик. Почему Евгений, а не Ирина? Пусть «Ирина» нам послужит предвестницей близкого мира...

О[зерный?], 25 октября 1916 г.

Вот я тебе пишу с нового места или, вернее, старого, так как тут мы находились уже несколько дней в конце мая, во время нашего наступления. Мы даже поселились в том же доме, где помещались тогда. Комнаты очень хорошие, просторные, светлые. Только пользоваться-то ими придётся, вероятно, не больше какой-нибудь недели. А там дальше...

Переход нам был назначен третьего дня совсем неожиданно. <...> Конечно, на весь вчерашний день я был разбит. К тому же когда пришёл обоз с Серг. Гавр. [Матвеевым], пришлось устраивать, хлопотать и ругаться. Наконец, и В[ышемирский?] просидел у нас весь вечер. В итоге я как убитый свалился в постель и не писал тебе целых два дня. И сегодня ещё не наладился.

Странно попадать на старые места. Тут в те дни кипела жизнь и витала смерть... Сейчас тут тихо и сонно. Нет уж тех резких контрастов: весеннее поле с красным маком и мёртвые тела на нём... Тут когда-то я ждал твоего скорого приезда... Сейчас кругом осень, и только осень...

Сегодня опять получил два письма от тебя, написанные накануне и в день 17 октября¹. Они такие хорошие. Ты вспоминаешь, как три года назад ты в первый раз одарила меня... Да, Шуручка, я хорошо запомнил этот вечер, несмотря на обычную мою забывчивость. Хорошо было тогда, лучше ещё будет впереди. Надо же в это верить, ведь не вечно же могут длиться наши испытания! Во что же тогда верить?

¹ Ал.Ив. отметила день рождения Фр.Оск. 17 октября она писала: «У меня сегодня праздник. Утром я сбегала в цветочный магазин и купила хризантемы, ведь ты их любишь, а к обеду пришла Лиза <сестра> и тоже подарила цветов. Не хватает только тебя, мой родной...»

Вероятно, Серг.Мих. [Щастный] раньше срока вернётся из отпуска. Тогда, возможно, что и Серг.Гавр. раньше уйдёт. Ведь отпуска не прекращаются. И приеду я тогда к тебе на север с дальнего юга... Боюсь только, что ещё один день уйдёт на проезд...

О., 20 ноября 1916 г.

Славная моя, хорошая. Вот как давно я тебе не писал!

С 12-го числа, целые восемь дней! Такого большого промежутка и не запомню. А от тебя не имею известий уже три недели. Ты где-то далеко-далеко, за тридевять земель. А я заброшен судьбою в унылые, серые и туманом покрытые горы. Кругом промозглая сырость поздней осени, грязь.

Очень надеюсь, что ты получила мои два письма из Я[сс], отправленные с офицером, уехавшим в отпуск. То было ещё 12-го. А 13-го рано утром нас разбудили, и уже в 7 часов утра мы катили по шоссе дальше. В тот же день я должен был снова грузиться в вагоны. Однако грузиться пришлось только в третьем часу ночи. И началось опять нудное утомительное путешествие. Каких-нибудь 100 вёрст мы проехали двое суток с хвостиком! Вагоны скверные, нетопленные, даже без «удобств».

Это последнее в 1916 году письмо не окончено. Шла переброска армии на юго-запад — в Румынию, после долгих колебаний вступившую в войну 14 августа на стороне Антанты и потерпевшую ряд сокрушительных поражений. 3 декабря был образован Румынский фронт из русских и остатков румынских войск. Переписка между молодыми супругами надолго прервалась, что тяжело переживалось обоими. Время от времени Ал.Ив. писала полные любви и горечи письма в никуда, не получая ответа¹. В январе следующего 1917 года Фр.Оск. удалось-таки получить короткий отпуск. Он был в Москве при рождении 16 января своей дочери Ирины, ласково именуемой им Пузыркой.

¹ Вот небольшие выдержки из сохранившихся писем этой одинокой любящей и глубоко страдающей женщины той поры. «9 декабря 1916 г. Сегодня вставала, Ёжик, и вспоминала, как бывало — давно это было — ты будил меня и поднимал с постели. Давно не столько по времени, сколько по пережитому. И чем дальше, тем сильнее я ощущаю печать этой войны, тем глубже проникает печаль во всё моё существо. <...> Ты веришь в будущее, ты стараешься поддержать эту веру и во мне. Я понимаю тебя, ведь ты гораздо сильнее меня. Прости, я не в состоянии больше писать. Ведь стыдно явиться в отделение с красными опухшими веками». «24 декабря 1916 г. [Рождественский сочельник]. Давно, давно я не бралась за письмо тебе. Ведь что я могла тебе написать, кроме одного только вопля отчаяния. От 12 ноября почти полтора месяца я не имею от тебя ни строчки, и это в тот самый момент, когда круто меняется жизнь, когда я блуждала в какой-то полутьме. Но завтра — впрочем, уже начался — праздник, Ёжа, и не для того я взялась за письмо, чтобы писать тебе о своей горечи. Зная, мой дорогой, с какими яркими красивыми воспоминаниями связан у тебя сочельник, я тоже решила устроить и зажечь сегодня ёлку. Правда, зажжённые свечи окружены ещё светлым ореолом от застилающих глаза слёз». «28 декабря 1916 г. Сижу одна, Ёжик, и шью. Готовы уже две кофточки. Перед столом стоит украшенная ёлка, кругом тихо-тихо; ничто не нарушает хода моих мыслей. Думаю о тебе, мой милый, как и где переживаешь ты наше полное разобщение. Милый, что я могу поделывать, чтоб узнать причину такой разобщённости? Нет, лучше опять не писать. Ещё целый месяц сидеть без работы, без связи с тобой и мучиться всякими предположениями, неизвестностью. Какой это ужас! Ну что после этого может страшить?»